

У МОГИЛЫ
НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.
Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы – пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.
Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, –
В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
МОЕЙ МАТЕРИ

Самолёт у трапа замер.
Взгляд скользнул по землякам –
Воспалёнными глазами
Я тебя средь них искал.

Подойду сейчас поближе
И, как в прошлую весну,
Ту слезу, что ветер выжал,
С твоего лица смахну.
Не один, а с младшим братом
В зал, где ты ждала, войду.
Там в полёт зовёт с плаката
Серебром обшивки «ГУ».
Близость встречи или ветер
Подгоняют торопя...
Неужель на этом свете
Больше нет уже тебя?!
Вышло так, что мы с годами
Разлетелись кто куда.
А вернуться опоздали
Не на день,
А навсегда.
Как бы падать ни спешило
Под колёса полотно,
Довезти к тебе машина
Не успела всё равно...
В темноте белеет ставень.
Брату что ль в конце пути
Это право предоставить –
В двери первому войти?
Но, ссутулившись угрюмо, –
Отрешённо одинок –
Он о том же самом думал,
На родной взойдя порог.
В нетерпенье – не в испуге –
Он потребовал: «Входи»,
Чтоб скорей увидеть руки
На твоей сухой груди.
Так частенько ты держала
В них, задумавшись, иглу.

А теперь в цветах лежала
Под иконкою в углу.
Настрадавшееся тело
Прикрывала простыня.
А в ногах твоих сидела
Наша близкая родня.
Причитала тётя Клава,
Как старухи в старину:
«Кто тебе, сестра,
Дал право
Оставлять меня одну?
Ни тепла в избе,
Ни дыма...
Порвалась надежды нить...
Как теперь я буду мимо
Этих окон проходить?!»
Плач, ознобом пробивая,
Разгулялся по избе...
– Почему она,
Живая,
Так печётся о себе?
Но когда не голосила.
Обессилевши, она,
То совсем невыносимой
Становилась тишина.
Тишины такой пугался,
Молча сам себя ругал.
Горло сдавливал не галстук –
Подступивших слёз
Аркан.
Зябко вздрагивали плечи,
Хоть я к плачу не привык...
Может, вправду,
Мёртвым легче,
Чем оставшимся в живых?
Телеграммы срочной выстрел
Их не ранит, не убьёт...
Мать, прости мне эти мысли.
Здесь мы с Саней. Видишь?
Вот!
Поделюсь я новостями,
Что привёз издалека.
Ну, а Саня вновь растянет
Для тебя огонь – меха!
Ты спляши цыганский танец,
Приглуши разлуки боль.
А захочешь, я останусь –
Буду рядышком с тобой.
Ведь тебя мне не заменят
Ни работа, ни жена...
Бьется раненым тайменем
В сетях ночи
Тишина.

РОДОСЛОВНАЯ

Сколько смешано судеб
И различных кровей!
Добираюсь до сути
Родословной своей.
Дед родился в Николу.
И один на один,
Был пока ещё молод,
На медведя ходил.
Шкуры в старом сарае
Много лет берегли.
От него,
Николая,
Николаи пошли.
Но отец мой в атаке
Был сильнее во сто крат.
На немецкие танки
Шёл со связкой гранат.
А без вести пропавших
Сколько в нашем роду?..
По следам землепашцев
И служилых
Иду.
Не сгибались под ветром,
Не боялись огня.
В честь их
Именем светлым
И назвали меня.
Ну, а если я струшу
В горьком беге минут,
Мёртвых прадедов души
Пусть меня
Проклянут.

ДЕРЕВНЯ

То гнев свой меняла на милость,
То вновь становилась строга.
Я вырос в деревне.
Я вырос
В краю, где до неба стога.
Где звёзды мерцали в затоне,
Где рук не хватало в страду,
Где исстари,
Как на ладони,
Всегда человек на виду.
Настырный –
Наивный по сути! –
Да и на подъём не тяжёл,
Чтоб в городе – выбиться в люди-,
Я рано отсюда ушёл.

Дорогой, проверен на зрелость,
Я дело искал по плечу...
Мне многое в жизни хотелось,
Но честно признаться хочу,
Что, как бы мир ни был огромен,
Как наш ни оправдан побег,
В стенах деревенского дома
Душа остаётся навек!

РОДНОЙ ДОМ

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка – к реке под бугор...
А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.
Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.
С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листья не осталось, –
Всю по свету ветрище разнёс!..
Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадёжно зову.
Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну, а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.
Сердцем чувствует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землею,
Откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...
В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

* * *

Звёзды в клочьях тумана
Догорают дотла.
Остроугою трёхгранной
Выплывает скала.
Чьё-то робкое эхо
Растворилось в лесу.

Лодки –
Днищами кверху –
На зелёном мысу.
Облака, как таймени,
Розовеют вдали,
Но скала
Ловит тенью
Отраженье зари.
По воде,
Как от рыбы,
Разбежались круги.
Рыбаки!
Помогли бы
Снять зарю
С остроги.

* * *

С отвоёванного детства,
Пережитого сполна,
Мне досталась в наследство
Только Родина одна,
С речкой,
С лугом,
С голосами
Птиц, поющих надо мной,
С городами и лесами,
Опалёнными войной.
Жизнь свою по воле сердца
Прожигая на бегу,
Неделимое наследство
От пожарниц берегу.
И одна забота только:
Всё наследие моё
Передать своим потомкам,
Уходя в небытие,
С речкой,
С лугом,
С голосами
Птиц, поющих в вышине.
С городами и лесами,
С добрым словом обо мне.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Колокольчики,
Колокольчики –
Ни конца вам, ни края нет.
То ли морюшко,
То ли полюшко
Этот пляшущий синий цвет...
Озорная пора,

Озёрная!
Я и вспомнить теперь не смогу,
Сколько их,
Колокольчиков, сорвано
На ребячем моём веку.
Я их ставил в стакан.
Подравнивал.
На пол стряхивал муравья.
Каждый –
Словно птенец подраненный,
Крылья медленно расправлял.
Снова в детство
Вернуться хочется
И по синему полно брести...
Колокольчики,
Колокольчики,
Обеззвученные в горсти.

БАЛЛАДА О ТРЁХ КИТАХ

*Светлой памяти
моей бабушки Маликовой А.О.*

Опять рассвет прикрыл поля
Пеною тумана...
«На трёх китах стоит Земля», –
Твердила бабка Анна.
Пока она не померла,
Я ей перечил:
«Упасть бы в пропасть
с них могла Земля,
Как с парты круглый глобус».
Сыра, горька полынь-трава,
Взошедшая над прахом.
Здесь вспомнил я её слова
И в первый раз заплакал.
Я – плакал.
Взрагивала бровь.
Вдруг ко всему живому
В душе затеплилась любовь

Глубокая,
Как омут.
Пробились хрупкие ростки!
А их оберегая,
В пути сбивая каблучки,
Пришла любовь другая.
Но приходилось за неё
Мне вместе с ней бороться,
Чтоб беззаботное житьё
Не занесло в болотце.
Был найден выход непростой:
Был паводок весенний,
В четыре стороны простор
И долгий путь на север.
Когда лицо моё вдали
От ветра багровело,
То не рубли
На край земли
Меня вели, а вера.
Ведь иногда она живёт
В порыве бесшабашном...
С ней гордо шли на эшафот!
С ней гибли в рукопашной!
Ты насмерть встань,
Но сохрани
Мир от чумы, пехота!..
Лишь жены-матери в те дни
Надеялись на что-то.
Послевоенная нужда
Злым коршуном витала –
В беде надежда никогда
Страну не покидала.
В лучах рассветных
И цветах,
Сползающих на берег,
Земля стоит на трёх китах –
Любви,
Надежде,
Вере!

